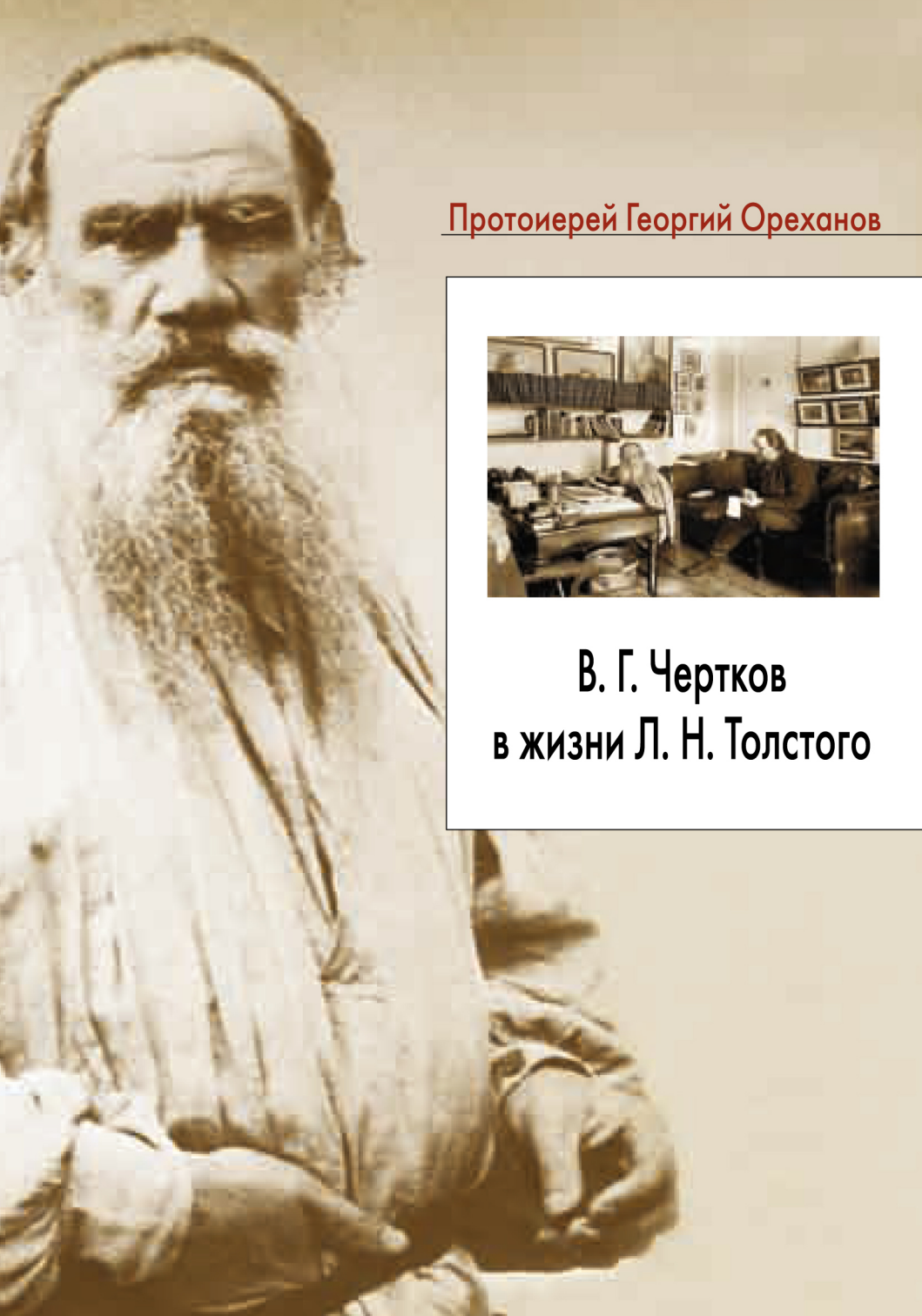

Протоиерей Георгий Ореханов

**В. Г. Чертков
в жизни Л. Н. Толстого**

УДК 82.0(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
О-65

Рекомендовано для издания кафедрой истории Русской Православной
Церкви Богословского факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Рецензент

зав. кафедрой истории Русской Православной Церкви ПСТГУ,
кан. физ.-мат. наук, проф., *свящ. Александр Щелкачев*

В цитируемых документах сохранена орфография
и пунктуация подлинников

Ореханов Г., прот.

О-65 **В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого** / протоиерей Георгий Ореханов. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. — 192 с.

ISBN 978-5-7429-0965-1

Монография посвящена актуальному в исторической науке вопросу истории взаимоотношений Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым, ставшим ближайшим помощником писателя в вопросах собирания, перевода и распространения его сочинений по всему миру. В книге использованы обширные архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот. На их основе реконструирована биография В. Г. Черткова, подробно рассмотренная вплоть до кончины Л. Н. Толстого на станции Астапово 7 ноября 1910 г. Особое внимание уделено проблеме происхождения завещания Л. Н. Толстого, взаимоотношениям В. Г. Черткова с А. Л. Толстой, младшей дочерью писателя, а также восприятию личности В. Г. Черткова современниками. Автором монографии делается вывод о трагической роли, которую сыграл В. Г. Чертков в истории семьи Л. Н. Толстого.

Книга адресована всем исследователям творчества Л. Н. Толстого, а также аспирантам и студентам старших курсов высших учебных заведений, специализирующимся по направлениям «теология», «религиоведение», «история культуры».

УДК 82.0(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-7429-0965-1

© Ореханов Ю. Л., 2009
© Оформление. Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2015

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА 1. Роль В. Г. Черткова в жизни Л. Н. Толстого и распространении его взглядов	13
Биография В. Г. Черткова до знакомства с Л. Н. Толстым	13
Знакомство В. Г. Черткова и Л. Н. Толстого. Формирование взглядов В. Г. Черткова под влиянием переписки с Л. Н. Толстым. Начало сотрудничества	27
Высылка В. Г. Черткова из России и антиправительственная деятельность в Англии.....	42
ГЛАВА 2. В. Г. Чертков и последние годы жизни Л. Н. Толстого	67
Проблема завещания Л. Н. Толстого.....	67
Л. Н. Толстой и Оптиная пустынь	82
Последнее путешествие Л. Н. Толстого. Монастыри. Астапово. Смерть.....	91
ГЛАВА 3. Восприятие личности В. Г. Черткова и его деятельности современниками	114
В. Г. Чертков о себе	114
А. Л. Толстая и переписка с ней В. Г. Черткова	120
Свидетельства бывших сотрудников В. Г. Черткова и членов семьи Л. Н. Толстого	134
Заключение	154
ПРИЛОЖЕНИЯ	163
Некоторые документы, связанные с В. Г. Чертковым.....	163
Письмо А. П. Сергеевко Д. П. Маковицкому.....	164
Письмо А. Л. Толстой В. Г. Черткову по поводу подготовки завещания Л. Н. Толстого	166
Письмо В. Г. Черткову по поводу подготовки завещания Л. Н. Толстого.....	168
Краткие биографические данные о некоторых лицах, упоминаемых в монографии	170
Список источников.....	177

Роль В. Г. Черткова в жизни Л. Н. Толстого и распространении его взглядов

Биография В. Г. Черткова до знакомства с Л. Н. Толстым

«Играть роль или подделываться под Толстого, или увлекаться, как спортом, в известном направлении можно, пожалуй, в молодости в течение нескольких лет, но не большую половину своей жизни, не целых 30 лет, когда уже настоящая старость и близость смерти глядит в глаза: какой расчет, какая выгода в том человеку, жертвующему всеми личными интересами, удобством и покоем жизни, судьбою своего сына даже?! Пусть ответят мне те, которые бросают камень осуждения в таких людей, как Ч[ертков]»¹. Так писала в 1912 г. супруга В. Г. Черткова, А. К. Черткова, составляя биографию своего мужа для биографического словаря проф. С. А. Венгерова.

Какие же ответы может дать история на этот вопрос? Насколько жертва, принесенная В. Г. Чертковым ради Л. Н. Толстого, была вызвана личной выгодой, расчетом или какими-то дополнительными обстоятельствами?

Для поиска ответа необходимо в начале подробно рассмотреть некоторые факты биографии В. Черткова. Биографические сведения о нем имеют большое значение для понимания процесса формирования его мировоззрения, возможностей влияния на Л. Н. Толстого и пропаганды антицерковных взглядов Л. Н. Толстого.

В. Г. Чертков был представителем старинного русского дворянского рода, к родоначальникам которого относятся Василий и Гаврило Ивановичи Чертковы, показанные в разрядах 1558 г. воеводами. Род Чертковых был внесен в VI часть родословной книги Воронежской, Калужской, Московской и Тамбовской губерний,

¹ ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 2. Ед. хр. 18. Биография В. Г. Черткова. Ответы на вопросы проф. С. А. Венгерова для критико-биографического словаря / Сост. А. П. Сергеев и А. К. Чертковой. Л. 18.

герб помещен в I часть Общего гербовника Российской империи. Среди предков В. Г. Черткова числятся многие известные исторические деятели России, в том числе Василий Григорьевич Чертков (в иночестве Варсонофий), митрополит Сарский и Подонский в правление царевны Софьи, скончавшийся в 1688 г.; В. А. Чертков (род. 1721), член военной коллегии; Е. А. Чертков (ум. 1797), активный участник воцарения Екатерины II, В. А. Чертков (1726–1793), Азовский, Воронежский и Харьковский генерал-губернатор.

К числу его московских родственников относился и знаменитый Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858), тайный советник, член Императорской Академии наук, президент Императорского общества истории и древностей российских (1849–1857), фактический основоположник новой для молодой российской науки отрасли — древнерусской нумизматики. А. Д. Чертков был автором выдающегося сочинения — «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях» (М., 1838–1845, с прибавлениями издание второе: М., 1863–1864), которое представляло собой первый аннотированный русский каталог такого рода. Кроме того, он был основателем так называемой Чертковской библиотеки, насчитывавшей около 9,5 тыс. экземпляров ценнейшей литературы по различным отраслям истории и хозяйства России. Именно при чертковской библиотеке в 1863–1873 гг. издавался «Русский архив» под редакцией ее библиотекаря П. И. Бартенева. Впоследствии библиотека была передана в ведение города и помещалась при Румянцевском музее, а затем при Историческом музее. С 1863 г. Чертковская библиотека была открыта для свободного публичного пользования.

Владимир Григорьевич Чертков родился 22 октября (4 ноября н. ст.) 1854 г. в Петербурге в богатой аристократической семье, принадлежавшей к высшей петербургской знати. Его отец, Григорий Иванович Чертков (1828–1884), — блестящий офицер, военный деятель и писатель, биографии которого мог бы позавидовать любой русский военачальник. Выпускник Пажеского корпуса, в 1846 г. поступил на службу корнетом в лейб-гвардии Конный полк, с 1853 г. флигель-адъютант при Николае I, с 1867 г. командир лейб-гвардии Преображенского полка, с 1870 г. генерал-адъютант сначала при Александре II (с оставлением в должности команди-

ра Преображенского полка), а затем и при его сыне, императоре Александре III. В апреле 1872 г. Г. И. Чертков был назначен помощником начальника 1-й гвардейской пехотной дивизии, которой командовал тогда наследник цесаревич. В феврале 1877 г., перед самым началом русско-турецкой войны, Г. И. Чертков получил новое, еще более высокое назначение — начальником 2-й гвардейской пехотной дивизии, совмещая эту должность с должностью помощника председателя Главного комитета по устройству и образованию войск, но по болезни (гангрена) в скором времени принужден был сдать дивизию. Г. И. Чертков, кавалер многих русских и иностранных орденов (до ордена Св. Александра Невского с алмазами включительно), скончался 22 апреля 1884 г. в Петербурге от паралича сердца. На одной из панихид присутствовали император Александр III с императрицей, после которой, по настоянию матери, состоялась единственная в жизни аудиенция В. Г. Черткова у императора Александра III¹. Г. И. Чертков был автором популярных в свое время «Памятных книжек для унтер-офицеров и рядовых», выдержавших несколько изданий².

Сестра Г. И. Черткова, графиня Елена Ивановна Черткова (1830–1922), родная тетка В. Г. Черткова, являлась во втором браке супругой графа П. А. Шувалова (1827–1889), имевшего, как известно, большое влияние при дворе Александра II и занимавшего в его царствование самые ответственные посты. С 1857 г. П. А. Шувалов получил должность обер-полицмейстера Санкт-Петербурга (с этого момента начинается его активное влияние на внутреннюю политику России), а несколько позже — генерал-губернатора Остзейского края (1864; замечу, что в этот момент ему было только 37 лет, что свидетельствует о большом доверии к нему государя) и, наконец, генерал-адъютанта императора Александра II, а

¹ ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 2. Ед. хр. 27. Чертков Владимир Григорьевич. Автобиография [1932 г.]. Л. 6–7.

² Любопытные дополнительные сведения сообщает о Г. И. Черткове статья Русского биографического словаря: «С первых шагов своей службы в должности начальника отдельной части он обнаружил не совсем обычное отношение к своим обязанностям. Он подробно входил во все мелочи внутренней жизни офицеров и солдат вверенных ему частей и не успокаивался до тех пор, пока не достигал существенных улучшений в той или другой отрасли управления» (РБС / Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. СПб., 1905. С. 352).

вслед за тем и шефа жандармов и начальника Третьего отделения императорской канцелярии. На этом посту П. А. Шувалов пребывал в течение семи лет (с 1866 по 1873 г.). В 1874 г. П. А. Шувалов назначается членом Государственного Совета и послом России в Соединенном королевстве Англии и Ирландии, а затем становится одним из официальных представителей России на Берлинском конгрессе. Впрочем, по довольно единодушному признанию историков, внешнеполитическая деятельность П. А. Шувалова была неудачной, и вскоре после окончания русско-турецкой войны он был освобожден от своей должности.

Блестящую карьеру сделал также родной брат Г. И. Черткова, М. И. Чертков (1829–1905), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, наказной атаман Войска Донского, член Государственного Совета, воронежский, киевский и варшавский генерал-губернатор.

Мать В. Г. Черткова, Елизавета Ивановна Черткова (1832–1922), родственными узами была тесно связана с кругом декабристов — она была дочерью героя Отечественной войны 1812 г. графа И. Чернышова-Кругликова, т.е. родной племянницей декабриста Захара Григорьевича Чернышева (1796–1862), а также племянницей Александры Григорьевны Муравьевой — жены декабриста Никиты Михайловича Муравьева, последовавшей за мужем в Сибирь. После приговора декабристам титул и состояние З. Г. Чернышова перешли к его сестре, матери Е. И. Чертковой.

Она родилась в доме своего деда, вельможи Екатерининской эпохи, известного масона и «человека передовых взглядов»¹. Впоследствии в этом здании располагался Дом Советов. Семья Е. И. Чернышовой была хорошо знакома с Н. В. Гоголем и проживала с ним вместе в Риме.

Е. И. Черткова рано осиротела. Вскоре она превратилась в одну из самых известных красавиц Санкт-Петербурга — уже на первом своем балу ее представляли императору Николаю I². Опекуном

¹ ОРГМТ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 11. Смерть верующего ребенка (Записки о последнем годе жизни младшего сына Михаила, сделанные 12 января — 3/15 декабря 1865 г. в Ментоне). Л. 19. Карандашная помета неизвестного лица.

² Карандашные пометы неизвестного автора к запискам Е. И. Чертковой о смерти своего младшего сына Михаила дают ценные сведения о ней самой, они сообщают, что она «отличалась исключительной красотой, хотя неск[олько] строгой, правильн[ые] черты; прекрасные волосы и зубы до смерти, оч[ень] высокого роста, величественная, настоящая “аристократка”.

Елизаветы Ивановны после смерти родителей стал известный Петербургский меценат и музыкант гр. М. М. Вьельгорский. Выйдя замуж за Г. И. Черткова, она сохранила такое видное и высокое положение в свете и при дворе, что дом Чертковых в Петербурге не раз посещали царствующие особы, а император Александр II, с которым Е. И. Черткова была знакома в то время, когда он был еще наследником, приезжал в дом Чертковых в одиночных санях «без сопровождения малейшей охраны»¹. Будучи умной и влиятельной женщиной, Е. И. Черткова пользовалась особой благосклонностью императрицы Марии Федоровны, была одной из самых любимых ее фрейлин.

Поистине фантастическим выглядит утверждение А. Фодора о том, что В. Г. Чертков мог быть внебрачным сыном императора Александра II². Тем не менее автобиография, написанная В. Чертковым в 1932 г., свидетельствует, что император по отношению к нему неоднократно проявлял знаки совершенно особого внимания: В. Г. Чертков был приглашен с родителями в Ливадию, кроме того, удостоился особых личных похвал государя на воскресном разводе кавалерийских полков в Михайловском манеже, после того как проделал ловкий прием верховой езды³, и др. Это же об-

Очень строгих нравственных взглядов, преданная жена и мать» (подчеркнуто в тексте) (ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 11. Смерть верующего ребенка (Записки о последнем годе жизни младшего сына Михаила, сделанные 12 января — 3/15 декабря 1865 г. в Ментоне). Л. 20).

¹ Более того, Александр Николаевич, будучи еще наследником, стал крестным отцом старшего брата В. Г. Черткова, Григория (ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 2. Ед. хр. 27. Чертков Владимир Григорьевич. Автобиография [1932 г.]. Л. 1).

² См.: *Fodor A. A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov*. Laham, MD: University Press of America, 1989. P. 42–43. Косвенное подтверждение этой гипотезы А. Фодор видит в факте упомянутых выше случайных приездов в одиночку наследника престола в дом Чертковых. Кроме того, историк обращает внимание на то место воспоминаний С. А. Толстой, в котором она рассказывает о посещении в апреле 1891 г. императора Александра III. Жена писателя упоминает, что «голосом и манерой говорить» император напомнил ей В. Г. Черткова (*Толстая С. А. Дневники Софьи Андреевны Толстой*. Ч. 1–2. М., 1929. Ч. 2. С. 31). Во время беседы, совершенно неожиданно для С. А. Толстой, государь спросил, часто ли она видится с Чертковым.

³ «Тут произошло нечто совершенно небывалое в летописях воскресных разводов с церемонией: государь, еще не слезая с лошади, стал подъезжать к тому месту, где находился я верхом <...> Подъехав ко мне и остановившись прямо против меня, он стал сочувственно на меня смотреть, кивая головой

стоятельство подчеркивают и составители неизданной биографии Черткова, которые отмечают, что в молодости он благодаря своим родителям пользовался постоянным вниманием императора Александра II, а также наследника престола, будущего императора Александра III, «при дворе которого отец В[ладимира] Г[ригорьевича] пользовался особенным уважением и симпатией»¹.

Е. И. Черткова была известна как последовательница учения лорда Редстока и содействовала созданию мужем своей сестры Александры Ивановны, В. А. Пашковым, русской секции евангелистов, называемых «пашковцами» — именно Е. И. Черткова познакомила В. А. Пашкова с приехавшим в Санкт-Петербург в 1874 г. известным английским проповедником евангелического толка лордом Г. В. Редстоком (1831–1913).

Впервые Е. И. Черткова встретила с лордом Редстоком в Париже на домашнем собрании, где искала утешения после смерти двух сыновей: Михаила (скончался в возрасте 10 лет) и Григория (умершего в 17-летнем возрасте). Смерть Михаила произвела на нее особенно сильное впечатление: маленький мальчик под влиянием домашнего учителя — англичанина, выпускника теологического факультета, стал читать Евангелие и задавать матери интересующие его вопросы, а во время предсмертной болезни много молился и просил маму поверить в Христа и любить Его. Кроме того, сама предсмертная болезнь продолжалась долго — около года, несомненно, Е. И. Черткова пережила глубокий и тяжелый опыт. Сохранился замечательный документ — записки Е. И. Чертковой о последнем годе жизни сына Михаила, из которых следует, что это был очень вдумчивый ребенок, серьезно и с большим доверием относившийся к евангельским свидетельствам и с большими

и издавая одобрительный горловой звук. Затем, оглядываясь вокруг себя, он спросил: “А где Григорий Иванович?” Это был мой отец. Тотчас же среди свиты стали выкликать имя Григория Ивановича. Мой отец, никогда не любивший высовываться вперед, через некоторое время подошел. Государь ему сказал: “А ведь он красивее, нежели ты был!” “Я и не претендую, Ваше Императорское величество!” “Не претендуешь! Не претендуешь!” — возразил государь» (ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 2. Ед. хр. 27. Чертков Владимир Григорьевич. Автобиография [1932 г.]. Л. 1–2).

¹ ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 2. Ед. хр. 18. Биография В. Г. Черткова. Ответы на вопросы проф. С. А. Венгерова для критико-биографического словаря. Сост. А. П. Сергеев и А. К. Чертковой. Л. 3.

духовными задатками (незадолго до смерти, по свидетельству матери, он говорил ей: «Я уверен, что Христос, что ангелы Его здесь вокруг моей кровати. Бог так близок; я Его так люблю, так люблю, что хотел бы обнять. Ничего мне теперь не страшно, ни смерть, ничего. Я так, так счастлив! Ни елка, ни подарки, ни именины, ничего с этим сравниться не может»). Михаил приобщался перед смертью Святых Христовых Тайн с большим «благоговением, от всего сердца, с твердым намерением исправиться от всех своих недостатков» и горячо верил в вечную жизнь¹. Замечательно также то обстоятельство, что совсем незадолго до смерти Миша просил маму не оставить его тело во Франции, потому что ему очень хочется «в России лежать»².

После смерти сыновей Е. И. Черткова решительно оставляет придворную жизнь и начинает заниматься широкой благотворительностью, а также проповедью Евангелия, в частности в тюрьме Литовского замка, о чем сохранились ее собственные записки, датируемые 1872–1874 гг., т.е. временем непосредственно перед приездом в Россию лорда Редстока³.

Записки о смерти сына Михаила, очень теплые и искренние по тону, действительно свидетельствующие, какой личной трагедией должна была стать для нее болезнь и смерть 10-летнего сына, в то же время являются иллюстрацией того типа духовности, который культивировали представители евангелического христианства, — на первом месте здесь стоят «хорошие, добрые чувства», которые для Е. И. Чертковой являются главным свидетельством присутствия Божия в человеке, присутствия Христа здесь и теперь, а также постоянное чтение Евангелия и стремление к христианским переживаниям.

На этом эпизоде необходимо остановиться чуть подробнее, так как можно предполагать, что под влиянием матери учение Пашкова — Редстока оказало некоторое влияние на формирование взгля-

¹ ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 11. Смерть верующего ребенка (Записки о последнем годе жизни младшего сына Михаила, сделанные 12 января — 3/15 декабря 1865 г. в Ментоне). Л. 3 об. — 4, 12 об.

² Там же. Л. 17. По поводу сына Григория в записках Е. И. Чертковой есть карандашное примечание о том, что он был очень умным ребенком, постоянно поглощенным наукой (Там же. Л. 7).

³ ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 10. Тюремный журнал (о своей благотворительной деятельности в тюрьме Литовского замка).

дов молодого Черткова. В любом случае, как показывает ранняя переписка Черткова и Л. Толстого (1885–1887), первоначально новый молодой друг писателя обладал стандартным набором протестантских представлений о религии и Личности Христа.

На фоне низкого социального статуса православного духовенства в XIX в., когда случаи принятия сана дворянами были большой редкостью, значительный интерес представляет именно религиозное оживление в среде русской аристократии в 1870-е гг., связанное в первую очередь с именами Редстока и Пашкова.

Личность английского лорда — проповедника в исторической науке исследована недостаточно подробно. Он был представителем английского аристократического рода, который восходит к сэру Ричарду Уолгрейву, члену парламента в 1330-е гг., и сыном адмирала английского флота. Образование получил в лучших английских учебных заведениях — школах Хэрроу и Беллиол-колледже, а затем в Оксфорде, и был участником Крымской войны, где во время тяжелой болезни с ним произошел религиозный переворот, приведший его к вере. Он раздал имущество, распустил прислугу и оставил военную службу в 1866 г. в возрасте 33 лет в чине полковника¹. Редсток становится проповедником и выступает с проповедью в Англии, Голландии, Франции и Индии. В результате встречи с Е. И. Чертковой лорд Редсток весной 1874 г. оказывается в России и благодаря обширным связям своей русской покровительницы скоро получает возможность появляться в столичных аристократических салонах².

Результат проповеди «лорда-апостола» был впечатляющим: в 1876 г. русские последователи Редстока основывают «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», в деятельности которого принимали участие многие видные представители великосветского круга, в том числе В. А. Пашков, бар. М. М. Корф, гр. А. П. Бобринский, кн. М. М. Дондукова-Корсакова, сестры — кня-

¹ См. подробнее: *Бачинин В. А.* У истоков российского протестантизма // ВИ. М., 2007. № 3. С. 22.

² По другим сведениям, источником которых в свое время явился Н. С. Лесков, лорд Редсток был приглашен в Петербург его пламенной последовательницей, дочерью поэта Д. Давыдова Ю. Д. Засецкой (см. подробнее: *Ипатов С. А.* Достоевский, Лесков и Ю. Д. Засецкая: спор о редстокизме: Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. СПб., 2001. С. 413).

гини В. Ф. Гагарина и Н. Ф. Ливен, Ю. Д. Засецкая и ее младшая сестра гр. Е. Д. Висконти, гр. Е. И. Шувалова, гр. М. И. Игнатьева, бар. П. Н. Николаи, Ф. Г. Тернер и многие другие¹. Принимал некоторое участие в этом движении и Н. С. Лесков.

О содержании проповеди Редстока известно, что она базировалась на типичных для протестантизма понятиях «обращение», «возрождение» (revival), «пробуждение» сердца, «оправдание только верой», основа которых состояла в стандартном для христианских сект протестантского толка учении о спасении исключительно верой в искупительное значение Крови Христовой.

Очень интересную и емкую характеристику лорда Редстока дает в своем письме Л. Н. Толстому (датируемом мартом 1876 г.) гр. А. А. Толстая, его родственница, человек твердых православных убеждений: «Редстока я очень хорошо знаю, вот уже три года, и очень люблю его за необыкновенную его цельность и любовь. Он совершенно предан одному делу и идет своей дорогой, по сторонам не оглядываясь. К нему почти можно было бы приложить слова ап. Павла: “Я ничего не хочу знать, кроме Христа Распятого”. Я говорю почти, потому что мудростью и глубоким умом он далеко отстоит не только от св. Павла, но и многих не столь высоких учителей церкви. Он милый, добрейший сектант, сам не понимающий многого и наивно не подозревающий, как во многом он удаляется даже от евангельской истины. Природу человеческую он вовсе не знает, и даже не обращает на нее внимания, потому что по его системе каждый человек может в одну секунду развязаться со своими страстями и дурными наклонностями только по одному желанию идти за Спасителем. И где они, эти быстрые и полные

¹ См.: *Бачинин В. А.* Цит. соч. С. 22. Следует иметь в виду свидетельство А. Фодора, который обращает внимание на повышенный интерес «лорда-проповедника» к вопросам организации военного и военно-морского дела в России. А. Фодор считает, что Редсток помимо решения чисто религиозной задачи мог иметь и дополнительную — быть проводником имперских интересов Британии в России (см. подробнее: *Fodor A. A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov.* P. 16–18). Складывается впечатление, что русские власти были поставлены перед сложной задачей: с одной стороны, они не могли сочувствовать проповеди Редстока, с другой — он был активным сторонником внешней политики России и в июне 1877 г. опубликовал в «Таймс» статью в поддержку российских действий на Балканах, сравнивая их с политикой Британской империи в Индии (см.: там же. P. 20–21).

обращения, много ли их примеров, исключая ап. Павла, избранного орудия Христа? Он часто рассказывает такого рода случаи: «Я встретился с одним французом. Он был совершенно неверующий. Я поговорил с ним в саду, мы помолились вместе, и от меня он пошел уже христианином. Что дальше с ним было, он не знает, но борьбы не предполагает, все было сделано приблизительно в час времени. Вот его слабая сторона. Затем преданность его Христу — теплота и искренность неизмеримая. Он здесь прозвучал, как колокол, и разбудил многих, никогда не помышлявших прежде о Христе и спасении, но из других сделал совершенных карикатур духовных, что, впрочем, не его вина»¹.

Под влиянием встреч с «лордом-апостолом» стал религиозным человеком и близкий родственник Е. И. Чертовой, муж ее родной сестры Александры Ивановны, полковник кавалергардского полка Василий Александрович Пашков, представитель высшей аристократии Петербурга, входивший в ближайшее окружение императора Александра II. Будучи одним из самых богатых помещиков России², В. А. Пашков — человек, совершенно равнодушный к религиозным вопросам, — увлекся учением Редстока. Став его последователем, Пашков отказался от светской жизни и сделался ревностным проповедником «возрождения», благодаря чему учение получило значительное распространение в Петербурге и провинции, в первую очередь в аристократических слоях общества. Современники свидетельствуют, что в Пашкове произошла глобальная перемена, он из известных охотников и танцоров превратился в активного организатора нового религиозного движения. Дом Пашкова на Выборгской стороне стал местом регулярных молитвенных собраний, на которых иногда присутствовало около полутора тысяч человек. В 1875 г. Пашков издает журнал «Русский рабочий», а с 1876 г. начинает свою деятельность упоминавшееся выше «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», за

¹ Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857–1903. СПб.: Издание Общества Толстовского музея. Т. 1. 1911. С. 267–268. Часть письма на английском языке. Именно из этого отрывка понятно, почему в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский передает отзыв одного из современников и слушателей лорда в следующем виде: у него «Христос в кармане» (*Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений*: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 22. 1981. С. 99).

² В. А. Пашков был владельцем медных рудников на Урале и ряда богатейших поместий более чем в 12 губерниях России.

восемь лет существования которого тираж издаваемой литературы достиг нескольких миллионов экземпляров¹. Названия некоторых брошюр («Что вы думаете о Христе?», «Примирился ли ты с Богом?» и т.д.) красноречиво свидетельствуют о том, что проповедь «пашковщины» носила ярко выраженный протестантский характер маргинального толка. Создавал В. А. Пашков и свои «филиалы», для чего активно использовались его многочисленные имения, разбросанные по всей России, а также приобретались новые земли.

Как уже указывалось, активными помощниками В. А. Пашкова в деле распространения нового учения были представители знатных и старинных русских фамилий, в том числе Модест Модестович Корф (1843–1937), сын известного историка и однокашника А. С. Пушкина М. А. Корфа, граф Алексей Павлович Бобринский (1826–1894), в 1872–1874 гг. занимавший пост министра путей сообщения и находившийся в дружеских отношениях с Л. Н. Толстым, а также многие другие.

В 1884 г., после проведения съезда российских евангельских христиан, который, по замыслу организаторов, должен был носить объединительный характер, Пашков был выслан из России вместе с М. М. Корфом без права возвращения. Но остались его последователи и, не в последнюю очередь, последовательницы, из которых одно из первых мест оставалось за Е. И. Черткой.

В. Г. Чертков в своем дневнике написал однажды, что его родители «принадлежали к числу наиболее порядочных из “порядочных” людей»². Много позже он любил рассказывать, как в детстве играл с будущим императором Александром III. Можно предполагать, что именно посредничество ближайших родственников В. Г. Черткова, в первую очередь его матери, в значительной степени смягчало впоследствии любые правительственные меры, направленные против антигосударственной и антицерковной деятельности Л. Н. Толстого и В. И. Черткова. Семья Чертковых входила, по всей видимости, в число очень обеспеченных русских семей, о чем свидетельствует тот факт, что она имела 40 тыс. рублей чистого ежегодного дохода. Г. И. Чертков был очень богатым

¹ См.: Бачинин В. А. Цит. соч. С. 24–25.

² Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их дневникам и переписке. Hermitage Publishers, 2003. С. 25.

помещиком и владел плодородными черноземными землями на юге Воронежской губернии, а также большим количеством крепостных крестьян, среди которых был Егор Михайлович Чехов — дед писателя. В. Ф. Булгаков подчеркивает, что рождение и блестящее положение в обществе способствовало с детства росту в Черткове сознания «доступности и исполнимости всех его желаний, сознание своей особенности, исключительного положения, своей силы и власти над людьми»¹.

Молодые годы Владимира Григорьевича прошли в достатке в петербургском доме родителей и в богатом имении Чертковых Лизиновка Острогожского уезда Воронежской губернии (площадь около 30 тыс. десятин). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в молодости Чертков был лишен возможности получить систематическое образование, так как в результате солнечного удара, полученного на охоте, ему были категорически запрещены врачами систематические занятия. В 19 лет он поступил в привилегированный конногвардейский полк, причем в это время его командиром был барон В. Б. Фредерикс, ставший с 1897 г. министром императорского двора и уделов. Во время службы, по его собственному более позднему признанию, он прожигал свою жизнь традиционными для блестящей петербургской молодежи способами. В конногвардейском полку В. Г. Чертков получил прозвище *le beau Dima*, т.е. блестящий Дима. Корнет Чертков в 1881 г. должен был войти в состав делегации, целью которой было оповещение ряда европейских дворов о восшествии на престол императора Александра III, и только случайность помешала ему участвовать в этой миссии, которую возглавлял родной дядя В. Г. Черткова, гр. П. А. Шувалов.

Очень яркий и в то же время характерный эпизод молодости Черткова приводит в своих воспоминаниях В. Ф. Булгаков, указывая, что молодой Чертков принадлежал к тому очень узкому кругу петербургской знати, который приглашался на так называемые «малые» балы в Аничков дворец, тот самый дворец, о котором с иронией Пушкин писал, что был назначен камер-юнкером только для того, чтобы его супруга Наталья Николаевна могла здесь танцевать. Однажды на таком балу его пригласила на вальс сама императрица Мария Федоровна, которая воспользовалась «особым

¹ Булгаков В. Ф. «Злой гений» гения: [В. Г. Чертков].

правом дам, принадлежащих к императорской фамилии, — первыми приглашать кавалеров. Но Чертков отказался, т.к. не умел танцевать вальс, чем вызвал сенсацию в зале: le beau Dima отказался танцевать с императрицей!»¹.

Этот поступок своей экстравагантностью настолько напоминает некоторые шутки главного героя романа «Бесы» Ставрогина, что поневоле задумываешься о возможных биографических параллелях. И в первую очередь речь идет о красоте, — безусловно, Чертков был одним из самых красивых мужчин России того времени, но его красота, особенно на фотографиях позднего времени, носит какой-то масочный, медиумический характер, который, как мы помним, отмечает в своем герое и Достоевский и на который обращает внимание С. Н. Булгаков в своем очерке «Русская трагедия»². Здесь речь может идти о своеобразном «мучительном параличе личности», который, как мне представляется, был одной из черт В. Черткова. Конечно, это сопоставление возможно только в определенных рамках. Если тем не менее оно допустимо и не лишено оснований, остается только в очередной раз поразиться пророческому дару русского писателя, вплоть до самых бытовых подробностей: в романе «Бесы» Ставрогин является сыном генеральши Ставрогиной и носит прозвище «Принц Гарри».

Некоторые авторы особо подчеркивают то обстоятельство, что высокое происхождение Черткова и его связи импонируют Толстому и могли играть определенную роль в их дружбе. Эта гипотеза находит свое подтверждение в дневнике М. С. Сухотина (запись от 6 августа 1906 г.): «Тут теперь гостит В. Г. Чертков, приехавший на побывку из Англии. Это любимый ученик Л[ьва] Н[иколаевича], Иоанн в некотором роде, и я понимаю, что он может быть ближе других сердцу учителя. Уже одно то, что они оба хорошей крови, bien nés³, в их близости, как это ни может

¹ Булгаков В. Ф. «Злой гений» гения: [В. Г. Чертков].

² См.: Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1918. С. 6. Хочу обратить внимание на другую параллель с героями Ф. М. Достоевского: это Смердяков. Сопоставление неожиданное, казалось бы, Чертков и Смердяков абсолютные антитипы, но одна черта, по мнению В. В. Розанова, их роднит: «Один и другой презирали «отечество, страну и веру»» (Розанов В. В. Террор против русского национализма: Статьи и очерки 1911 г. М., 2005. С. 348).

³ Хорошего рода (*фр.*).

казаться странным, играет не последнюю роль»¹. Подтверждает это и В. Ф. Булгаков, который отмечает, что Толстой, возможно, в чем-то был даже удивлен появлением молодого человека из более высокого круга (сам Толстой принадлежал к «средне-высшему дворянству» — выражение Ф. М. Достоевского, подхваченное Д. С. Мережковским).

В 1879 г. В. Г. Чертков берет отпуск на 11 месяцев и проводит его в Англии, снимая дом у сельского священника. В это время он, благодаря посредничеству лорда Редстока, знакомится или возобновляет знакомство с представителями английской политической элиты и аристократии и проводит время в общении со своим дядей, русским послом графом П. Шуваловым, благодаря которому завязывает отношения с принцем Уэльским, будущим королем Эдуардом VII. Одновременно Чертков знакомится с русскими политэмигрантами и с англичанами, объединившимися вокруг бывшего пастора Джона Кенворти, общественного деятеля, сочувствовавшего взглядам Толстого.

После возвращения в Россию В. Г. Чертков является одним из организаторов (вместе с кн. Б. Б. Голицыным и гр. А. Ф. Гейденом) кружка молодежи для религиозных бесед, а также членом кружка, целью которого было изучение Евангелия и проповедь христианского образа жизни; вместе с ним в этот кружок входил Д. Ф. Трепов, в будущем занимавший значительные посты и имевший одно время большое влияние на внутреннюю политику. Кружок собирался на квартире Д. Ф. Трепова и имел цель «оказывать посильную помощь бедному населению столицы». Очень примечательно позднейшее (1924) признание П. И. Бирюкова о том, что уже в это время В. Г. Чертков относился «как-то критически, иногда шутиливо, к деятельности кружка, кот[орая] его не удовлетворяла»².

Вскоре Чертков сообщает матери, что жизнь, которую он вел в течение пяти лет своего офицерства, его не удовлетворяет, его тянет в деревню, «ближе к природе и к людям». В письме содержится также сообщение о выходе в отставку и озабоченность тем, как отнесется к этому твердому решению отец.

¹ Сухотин М. С. Из дневника М. С. Сухотина // ЛН. Т. 69. АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1961. Кн. 2. С. 187.

² ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 2. Ед. хр. 35. Слово, сказанное П. И. Бирюковым на 70-летнем юбилее В. Г. Чертова. Л. 1.

Действительно, неожиданно для всех, в преддверии блестящей карьеры, В. Г. Чертков выходит в отставку в чине лейб-гвардии штабс-ротмистра. Поселившись в имении родителей Лизиновке, он начинает заниматься благотворительной деятельностью среди крестьянского населения: открывает ремесленное училище на 60 учеников (сапожное, столярное, бондарное дело), школу, библиотеку, читальню, приемный покой и некоторые другие учреждения. В это время В. Чертков в письме матери сообщает, что главным делом своей жизни считает распространение веры «в известные начала».

Таким образом, еще до знакомства с Л. Н. Толстым В. Г. Чертков приходит к пониманию бессмысленности своей жизни и ищет из нее какого-то выхода, однако путь, предложенный ему матерью, его не устраивает. Именно на этом перепутье происходит его знакомство с Л. Н. Толстым.

Знакомство В. Г. Черткова и Л. Н. Толстого. Формирование взглядов В. Г. Черткова под влиянием переписки с Л. Н. Толстым. Начало сотрудничества

Говоря о первой встрече В. Г. Черткова и Л. Н. Толстого, мы должны иметь в виду, что в период после религиозного кризиса Л. Н. Толстой переживал особый приступ одиночества, о чем он сообщает М. А. Энгельгардту в конце 1882 г.: «...вы не можете и представить себе, до какой степени я одинок, до какой степени то, что есть настоящее я, презираемо всеми окружающими меня» (ПСС. Т. 63. С. 112). Очень важно отметить, что это чувство одиночества, как духовная расплата за отход от «Христа и Церкви Его», трагически ощущалось, по свидетельству Т. Л. Толстой, всеми членами семьи писателя. В это же самое время С. А. Толстая сообщает своей сестре: «Бывала я одинока, но никогда так одинока, как теперь. Так мне ясно, так ощутительно, что никто меня знать не хочет и никому я не интересна»¹.

¹ Толстая Т. Л. О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода // ЛН. Т. 69. АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1961. Кн. 2. С. 259.

Впервые о новых взглядах Толстого Чертков узнал на свадьбе своего знакомого и бывшего однополчанина, помещика Р. А. Писарева, на которой присутствовал друг семьи Толстых, прокурор окружного суда Н. В. Давыдов. А вскоре Чертков появляется в новом доме семьи Толстых в Хамовниках. Вскоре новый молодой (Толстому в 1883 г. было 55 лет, Черткову — 29) знакомый Толстого становится самым близким писателю человеком.

Факт особой близости подтверждается общим объемом переписки: за 27 лет знакомства Л. Н. Толстой написал В. Г. Черткову не менее 900 писем (включая телеграммы), т.е. в среднем одно письмо каждые десять дней — больше, чем любому другому человеку, включая членов его семьи. Чертков писал еще чаще — сохранилось его 1127 писем Толстому.

В конце октября 1883 г. В. Г. Чертков впервые посетил хамовнический дом Толстых. При первой же встрече Толстой и Чертков ощутили духовное родство. «Мы с ним встретились, как старые знакомые <...>», — писал об этой встрече В. Г. Чертков¹. Именно с этой встречи берет начало многолетнее сотрудничество Толстого и Черткова.

В этот ранний период их отношений Л. Н. Толстой переживал знакомство с Чертковым как важное событие своей жизни, как обретение настоящего и глубокого почитателя и последователя, ученика и единомышленника. Это был своеобразный «медовый месяц»: и в его переписке с В. Г. Чертковым, и в его дневниковых записях содержится ряд мыслей, которые трудно интерпретировать в каком-либо другом ключе, кроме подтверждения вывода о переживании глубоко внутреннего родства — достаточно посмотреть дневниковые записи за 1884 г., например: «Письмо от Черткова. Люблю его и верю в него» (ПСС. Т. 49. С. 70, запись от 18 марта). И уже очень скоро, 6 апреля 1884 г., т.е. спустя всего несколько месяцев после визита Черткова, Л. Толстой записывает в своем

¹ *Муратов М. В.* Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их дневникам и переписке. С. 52. А. Фодор представляет другую версию знакомства Л. Толстого и В. Черткова. Он полагает, что изначально со стороны нового молодого друга писателя присутствовал некий конъюнктурный интерес, связанный с желанием использовать имя Л. Толстого в интересах проповеди идеи ненасилия (см.: *Fodor A. A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov*. P. 22–23).